

С. М. А. Р. Ш. А. К.

БЫЛЬ-НЕБЫЛИЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"Детская литература"

1 9 7 2

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С. МАРШАК

Волы-Нябылиша

* РАЗГОВОР В ПАРАДНОМ *
ПОДЪЕЗДЕ

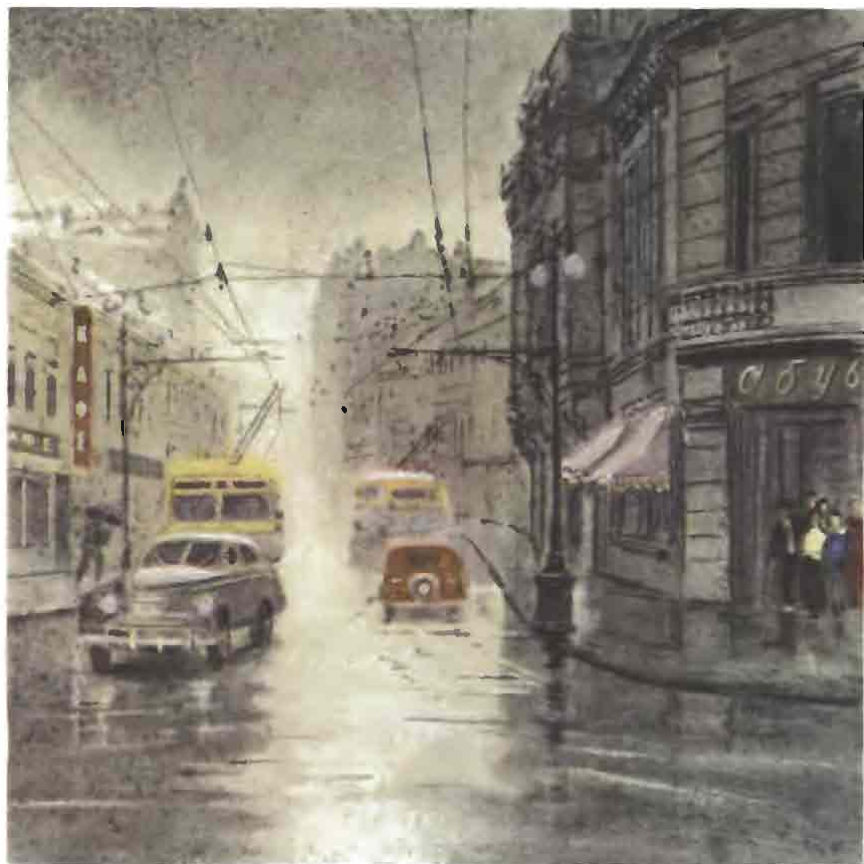
ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

МОСКВА · 1977

P2
M30

Рисунки А. Ермолаева

7—6—2

Шли пионеры вчетвером
В одно из воскресений,
Как вдруг вдали ударил гром
И хлынул дождь весенний.

От градин, падавших с небес,
От молнии и грома
Ушли ребята под навес —
В подъезд чужого дома.

Они сидели у дверей
В прохладе и смотрели,
Как два потока всё быстрее
Бежали по панели,

Как забурлила в желобах
Вода, сбегая с крыши,
Как потемнели на столбах
Вчерашние афиши...

Вошли в подъезд два маляра,
Встряхнувшись, точно утки, —
Как будто кто-то из ведра
Их окатил для шутки.

Вошёл старик, очки протёр,
Запасся папиросой
И начал долгий разговор
С короткого вопроса:

— Вы, верно, жители Москвы?
— Да, здешние — с Арбата.
— Ну, так не скажете ли вы,
Чей это дом, ребята?

— Чей это дом? Который дом?
— А тот, где надпись „Гастроном“
И на стене газета.

— Ничей, — ответил пионер.
Другой сказал: — СССР.
А третий: — Моссовета.

Старик подумал, покурил
И, не спеша, заговорил:

— Была владелицей его
До вашего рожденья
Аделаида Хитровó.

Спросили мальчики: — Чего?
Что это значит — „Хитрово“?
Какое учреждение?

— Не учреждение, а лицо! —
Сказал невозмутимо
Старик и выпустил кольцо
Махорочного дыма. —

Дочь камергера Хитрово
Была хозяйкой дома.
Его не знал я самого,
А дочка мне знакома.

К подъезду не пускали нас,
Но, озорные дети,
С домовладелицей не раз
Катались мы в карете.

Не на подушках рядом с ней,
А сзади — на запятках.
Гонял оттуда нас лакей
В цилиндре и в перчатках.

— Что значит, дедушка, „лакей“? —
Спросил один из малышей.
— А что такое „камергер“? —
Спросил постарше пионер.

— Лакей господским был слугой,
А камергер — вельможей,
Но тот, ребята, и другой —
Почти одно и то же.

У них различье только в том,
Что первый был в ливрее,
Второй — в мундире золотом,
При шпаге, с анненским крестом,
С Владимиром на шее.

— Зачем он, дедушка, носил
Владимира на шее? —
Один из мальчиков спросил,
Смущаясь и краснея.

— Не понимаешь? Вот чудак!
„Владимир“ был отличья знак.
„Андрей“, „Владимир“, „Анна“ —
Так назывались ордена
В России в эти времена. —
Сказали дети: — Странно!

— А были, дедушка, у вас
Медали с орденами?
— Нет, я гусей в то время пас
В деревне под Ромна́ми.

Мой дед привёз меня в Москву
И здесь пристроил к мастерству.
За это не медали,
А тумачи давали!..—

Тут грозный громовой удар
Сорвался с небосвода.
— Ну и гремит! — сказал маляр.
Другой сказал: — Природа!..

Казалось, вечер вдруг настал,
И стало холоднее,
И дождь сильнее захлестал,
Прохожих не жалея.

Старик подумал, покурил
И, помолчав, заговорил:

— Итак, опять же про него,
Про господина Хитрово.

Он был первейшим богачом
И дочери в наследство
Оставил свой московский дом,
Имена и средства.

— Но неужель жила она
До революции одна
В семиэтажном доме —
В авторемонтной мастерской,
И в парикмахерской мужской,
И даже в „Гастрономе“?

— Нет, наша барыня жила
Не здесь, а за границей.
Она полвека провела
В Париже или в Ницце.
А свой семиэтажный дом
Сдавать изволила внаём.

Этаж сенатор занимал,
Этаж — путейский генерал,
Два этажа — княгиня.

Ещё повыше — мировой,
Полковник с матушкой-вдовой,
А у него над головой —
Фотограф в мезонине.

Для нас, людей, был чёрный ход,
А ход парадный — для господ.

Хоть нашу братию подчас
Людьми не признавали,
Но почему-то только нас
Людьми и называли...

Мой дед арендовал
Подвал.
Служил он у хозяев,
А в „Гастрономе“ торговал
Тит Титыч Разуваев.

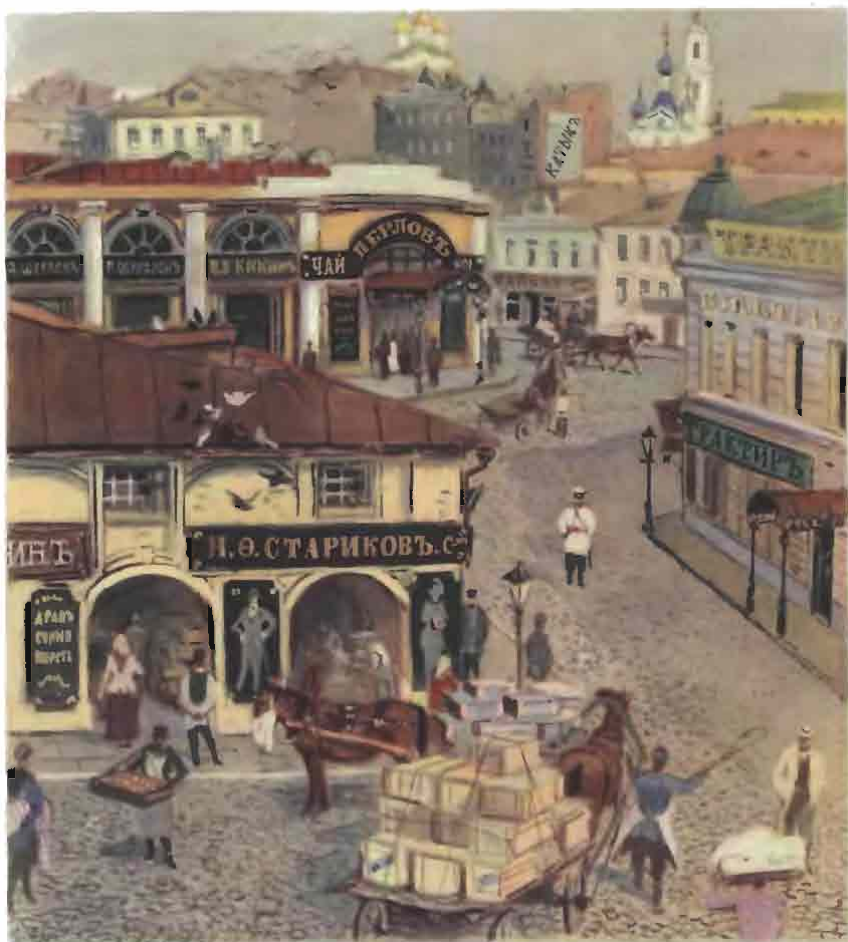

Он приезжал на рысаке
К семи часам, не позже,
И сам держал в одной руке
Натянутые вожжи.

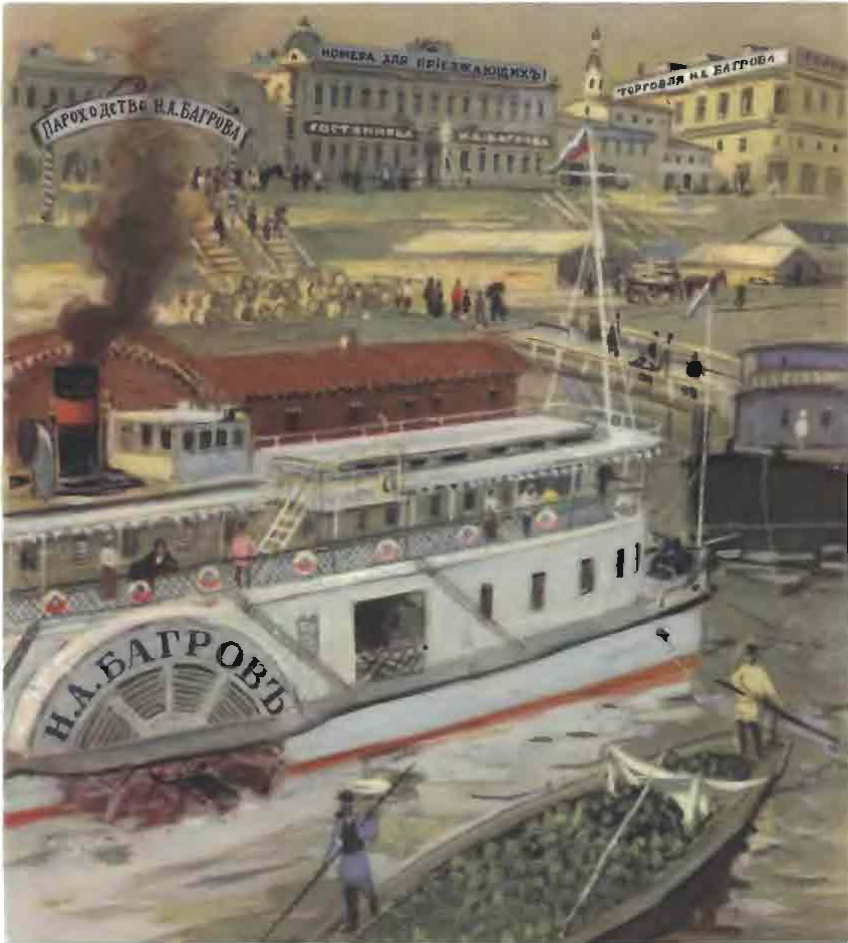
Имел он знатный капитал
И дом на Маросейке,
Но сам за кассою считал
Потёртые копейки.

— А чаем торговал Перлов,
Фамильным и цветочным, —
Сказал один из маляров.
Другой ответил: — Точно!

— Конфеты были Ландринá,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.

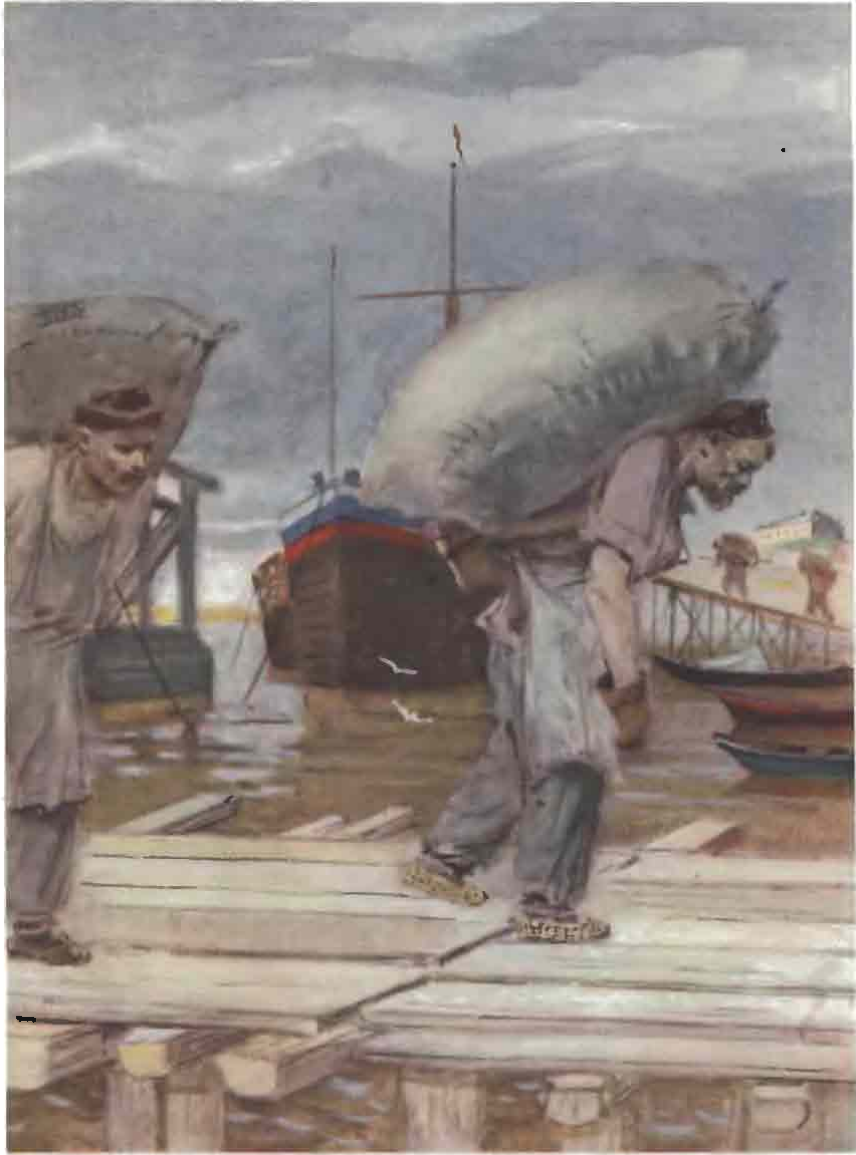

Купец Багров имел затон
И рыбные заводы,
Гонял до Астрахани он
По Волге пароходы.

Он не ходил, старик Багров,
На этих пароходах,
И не ловил он осетров
В привольных волжских водах.

Его плоты сплавлял народ,
Его баржй тянул народ,
А он подсчитывал доход
От всей своей флотилии
И самый крупный пароход
Назвал своей фамилией.

На белых вёдрах вдоль бортов,
На каждой их семёрке,
Была фамилия „Багров“, —
По букве на ведёрке.

— Тут что-то, дедушка, не так.
Нет буквы для седьмого!
— А вы забыли твёрдый знак! —
Сказал старик сурово. —

Два знака в вашем букваре.
Теперь не в моде твёрдый,
А был в ходу он при царе,
И у Багрова на ведре
Он красовался гордо.

Была когда-то буква „ять“...
Но это — только к слову.
Вернуться надо нам опять
К покойному Багрову.

Скончался он в холерный год,
Хоть крепкой был породы,
А дети продали завод,
Затон и пароходы...

— Да что вы, дедушка! Завод
Нельзя продать на рынке.
Завод — не кресло, не комод,
Не шляпа, не ботинки!

— Владелец волен был продать
Завод кому угодно,
И даже в карты проиграть
Он мог его свободно.

Всё продавали господа —
Дома, леса, усадьбы,
Дороги, рельсы, поезда, —
Лишь выгодно продать бы!

Принадлежал иной завод
Какой-нибудь компании:
На Каме трудится народ,
А весь доход — в Германии.

Не знали мы, рабочий люд,
Кому копили средства.
Мы знали с детства только труд
И не видали детства.

Нам в этот сад закрыт был вход.
Цвели в нём розы, лилии.
Он был усадьбою господ —
Не помню по фамилии...

Сад охраняли сторожа.
И редко — только летом —
В саду гуляла госпожа
С племянником-кадетом.

Румяный маленький кадет,
Как офицерик, был одет
И хвастал перед нами
Мундиром с галунами.

Мне нынче вспомнился барчук,
Хорошенький кадетик,
Когда суворовец — мой внук —
Прислал мне свой портретик.

Ну, мой скромнее не в пример,
Растёт не по-кадетски.
Он тоже будет офицер,
Но офицер советский.

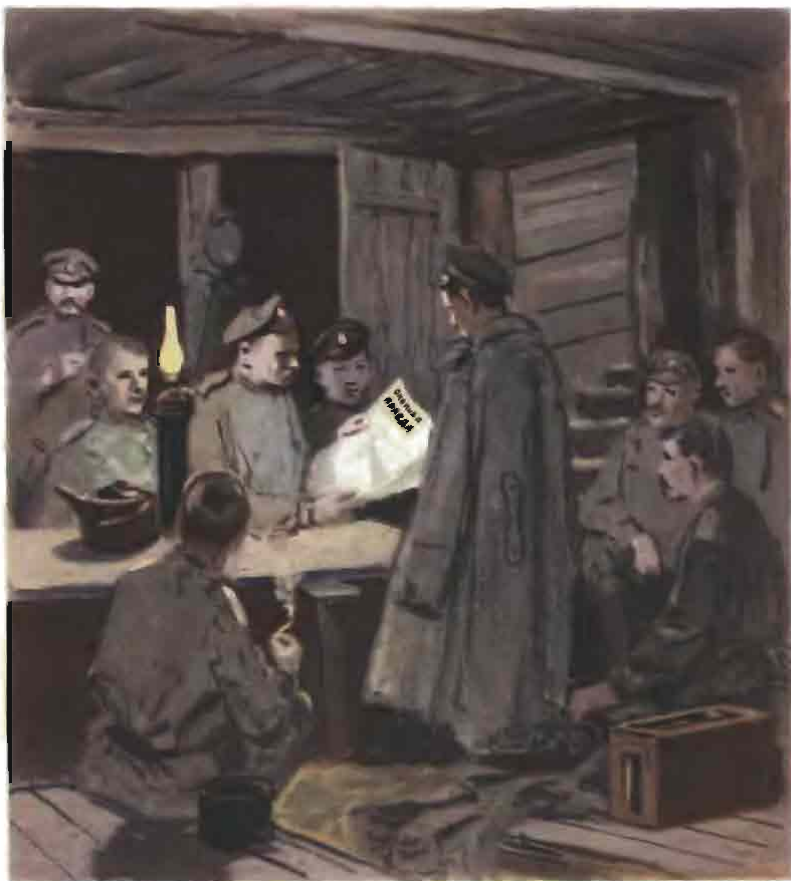
— А может, выйдет генерал,
Коль учится примерно, —
Один из маляров сказал.
Другой сказал: — Наверно!

— А сами, дедушка, в какой
Вы обучались школе?
— В какой?
В сапожной мастерской
Сучил я дратву день-деньской
И натирал мозоли.

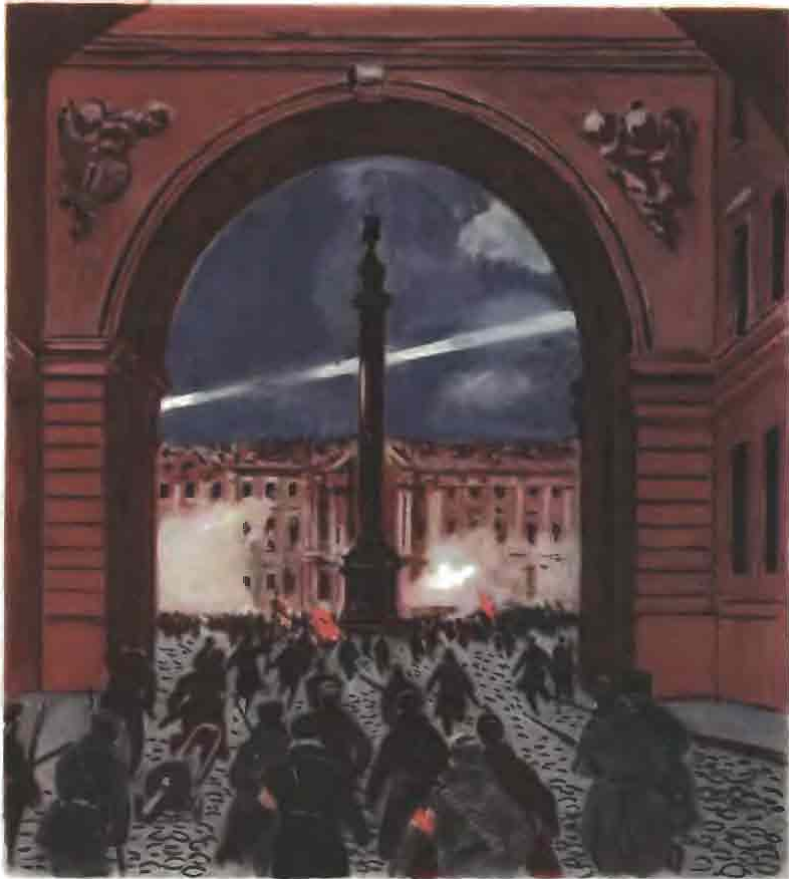
Я проходил свой первый класс,
Когда гусей в деревне пас.

Второй в столице я кончал,
Когда кроил я стельки
И дочь хозяйскую качал
В скрипучей колыбельке.

Потом на фабрику пошёл —
И кончил забастовкой.
И уж последнюю из школ
Прошёл я под винтовкой.

Так я учился при царе,
Как большинство народа,
И сдал экзамен в Октябре
Семнадцатого года!

Нет среди вас ни одного,
Кто знал во время оно
Дом камергера Хитрово
Или завод Гужона...

Да, изменился белый свет
За столько зим и столько лет!
Мы прожили не даром,
Хоть нелегко бывало нам,
Идём мы к новым временам
И не вернёмся к старым!

Я не учён. Зато мой внук
Проходит полный курс наук.

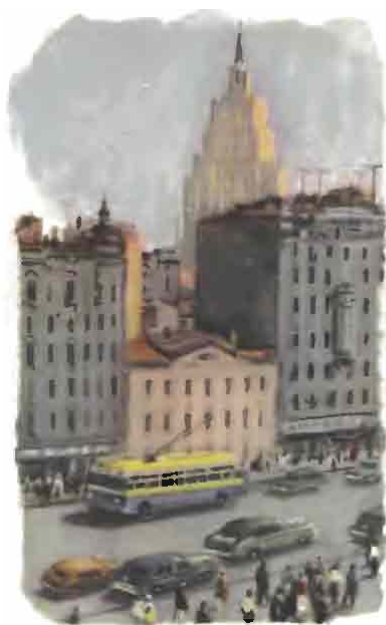

Не забывает он меня
И вот что пишет деду:
„Пред лагерями на три дня
Гостить к тебе приеду.

С тобой ловить мы будем щук,
Вдвоём поедem в Химки...“
Вот он, суворовец — мой внук, —
С товарищем на снимке! —

Прошибла старика слеза,
И словно каплей этой
Внезапно кончилась гроза.
И солнце хлынуло в глаза
Струёй горячей света.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Маршак Самуил Яковлевич

БИЛЬ-НЕБЬЛИЦА

Ответственный редактор *Л. И. Гулянская*, Художественный редактор *В. А. Горячев*,
Технический редактор *О. В. Кудряцева*, Корректор *Л. И. Дмитриев*.
Подписано к печати с готовых дореизитивов 11/1 1972 г. Формат 60×80^{1/2}. Печ. л. 4. (Уч.-
изд. л. 2,17). Тираж 13000 экз. ЦД 1972 № 235. Бум. № 1.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по
печатн при Совете Министров РСФСР Москва, Центр, М. Черкэзский пер., 1. Ордена
Трудового Красного Знамени Фабрика «Детская книга» № 1 Рождлавлэграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР Москва, Суэвский вал, 49. Заказ № 3631.